

УДК 94(410)32.001

**ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ МИССИИ ИОАННА СОЛСБЕРИЙСКОГО
И КРИЗИС В АНГЛИЙСКОЙ ЦЕРКВИ (1162–1170 гг.)***А.К. Гладков***Аннотация**

Статья посвящена дипломатической деятельности выдающегося средневекового мыслителя и писателя Иоанна Солсберийского (1115/1120–1180) в период конфликта между архиепископом Кентерберийским Фомой Бекетом и Генрихом II Плантагенетом. Показано, что Иоанн Солсберийский был ключевой фигурой в разрешении противоречий между церковью и королевской властью.

Ключевые слова: английская церковь, Иоанн Солсберийский, Генрих II Плантагенет, Фома Бекет, Кларендонские постановления.

...Erit salus ubi multa consilia sunt
(...А при многих советниках [народ] благоденствует)
(Притч. 11:14)

С восшествием на престол Генриха II Плантагенета (1154–1189) жизнь в английском королевстве начала меняться к лучшему: эпоха «феодалных войн», которые на протяжении почти двух десятилетий нарушали социально-политический баланс в стране, ассоциировавшаяся в умах большинства людей с периодом «анархии» Стефана I Блуаского (1135–1154), наконец миновала. Многие английские интеллектуалы полагали, что восстановление законной линии преемственности власти и утверждение новой династии принесут не только обновление в сфере общественно-экономических отношений, но и установление прочных, на сей раз основанных на взаимопонимании, связей с церковью. Ведь ещё свежи были в памяти годы, когда жизнь *ecclesia Anglorum* пытались регламентировать ставленники Стефана I, навязывавшие архиепископу Кентерберийскому Теобальду тот курс, который отвечал почти исключительно интересам феодальной знати.

Многолетняя политика Генриха II по централизации государства, вылившаяся в проведение серии реформ, имела, без сомнения, положительные результаты. Преобразования способствовали налаживанию бюрократической системы, восстановлению военной мощи, повышению экономического благосостояния, а также усилению позиций королевства на международной арене. Не удивительно, что духовенство, видя плодотворность действий монарха, направленных на укрепление «державы Плантагенетов», надеялось в его лице обрести мудрого и справедливого попечителя *ecclesia Anglorum*. Одним из клириков, на первых порах

связывавших с приходом к власти Генриха II начало качественного обновления церковно-государственных отношений, был Иоанн Солсберийский (1115/1120–1180).

Имя этого англичанина, оставившего после себя несколько фундаментальных сочинений¹ и обширную переписку, ассоциируется у исследователей с эпохой «Ренессанса XII века». Всё в учёной и писательской деятельности Иоанна, в самой его личности выдаёт черты новой «культурной формации»: эрудиция и профессионализм, образность мышления и стилистическая безупречность, глубокое знание классической культуры (философии, литературы, истории) и прекрасное владение латинским языком, изысканность слога, сочетающаяся с ясностью и точностью изложения. Преуспев в науках (см. [1]), Солсбериец, обладавший наряду с высочайшей квалификацией также редкими профессиональными качествами и личными достоинствами, быстро привлёк к себе внимание влиятельных персон. По протекции всесильного Бернарда Клервоского его приняли в курию архиепископа Кентерберийского Теобальда [2, р. 172–173; 3, с. 499–501]. На Иоанна возложили обязанности секретаря примаса, поручив вести его личную и деловую переписку.

Однако, по сути, мыслитель играл гораздо более ответственную роль в курии, на протяжении многих лет выступая в качестве дипломатического посредника в разрешении наиболее сложных внутри- и внешнеполитических проблем. Достаточно вспомнить, что именно Иоанн Солсберийский был своеобразным «агентом» английского духовенства при дворе папы Евгения III. Цель его миссий состояла, с одной стороны, в информировании Теобальда о текущей деятельности и планах понтифика, расстановке сил среди высших иерархов и местных феодалов, а с другой – в своевременном оповещении главы Римско-католической церкви о действиях Генриха II Плантагенета по отношению к клирикам подвластных ему земель. Успехи интеллектуала на поприще дипломатической службы не остались незамеченными представителями светской власти; авторитет Иоанна Солсберийского – доверенного лица архиепископа Кентерберийского, друга ряда архиереев (в частности, будущего папы Адриана IV) и искусного политика – рос буквально день ото дня.

В 1155 г. Генрих II поручил ему отправиться с посольством к недавно избранному папе Адриану IV и разрешить в пользу короны ряд спорных вопросов, имеющих для возрождающегося после смуты государства первостепенную важность. Прежде всего, Иоанну было необходимо получить дозволение понтифика на фактическое завоевание Ирландии, которое существенно укрепило бы позиции Плантагенетов и расширило бы сферу их влияния в регионе. Однако Генрих II прекрасно понимал, что после ранее предпринятых шагов по ограничению участия римской курии в жизни английской церкви ему не приходится ожидать быстрого и благополучного исхода переговоров. Вот почему для этой ответственной миссии он выбрал именно Иоанна. Кроме политического таланта Солсбериец обладал ещё одним бесценным, с точки зрения короля, качеством – в любых условиях и обстоятельствах он умел расположить к себе собеседника.

¹ «Поликратик, или О забавах света и заветах философов» (“*Policraticus, sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum*”), «Металогик» (“*Metalogicon*”), «Энтетик об основоположении философов» (“*Entheticus de dogmate philosophorum*”), «Церковная история» (“*Historia Pontificalis*”).

Впрочем, была и другая, скрытая причина, по которой «рядового» (а схоласт, напомним, не имел официального звания или высокой должности) члена курии включили в первое весьма представительное английское посольство в Беневенто: Иоанн поддерживал дружеские отношения с Адрианом IV – англичанином, с которым схоласта связывали не только общие интересы, но и годы сотрудничества.

Возлагая на Иоанна Солсберийского столько надежд, Генрих II, впрочем, не учёл самого главного: мыслитель, отлично ориентирующийся в политической ситуации и прекрасно осведомлённый в далеко идущих планах короля, не собирався делать того, что хоть как-то, по его мнению, могло навредить церкви. Иначе говоря, он не был заинтересован в чрезмерном усилении короля в ущерб интересам *ecclesia Anglorum* и Святого Престола.

Переговоры прошли удачно, и папа действительно одобрил завоевательные планы Плантагенета. Однако радости Генриху II новости о дипломатической победе Иоанна Солсберийского так и не принесли. Дело в том, что за дозволение покорить Ирландию Адриан IV в 1155 г. определил английскому королю платить ежегодную «подать св. Петру». Фактически это означало для монарха одно: его планомерная политика по изоляции местной церкви от влияния и активного участия Рима в её внутренних делах провалилась [3, с. 505–506]. Соглашаясь на условия папы, Генрих II развязывал ему руки в плане активной протекции английского духовенства, стремившегося быть полностью независимым от светской власти и, к сожалению для короля, так и не потерявшего возможности апелляции к главе Римско-католической церкви в случае нарушения собственных прав.

Итак, дипломатическая победа, одержанная Иоанном, с одной стороны, ради поддержки и осуществления политических амбиций Плантагенета, а с другой – для укрепления связей между английской церковью и папством, в итоге ему самому принесла лишь презрение знати, непонимание и ожесточённость государя. Солсберийца провозгласили едва ли не ведущим в королевстве проводником идеологии «папской теократии» (что отчасти было верно) (LJS-I, р. 32), вступавшей в противоречие с интересами новой власти, и даже угрожали расправой (LJS-I, р. 30–31). Он бежал на континент, укрылся в одном из древних монастырей и оттуда наблюдал за событиями, стремительно разворачивающимися у него на родине. Опальный Иоанн Солсберийский лишь изредка посещал Англию и, видимо боясь преследований со стороны многочисленных врагов, подолгу не задерживался. Только одно событие побудило его вернуться.

18 апреля 1161 г. архиепископ Кентерберийский Теобальд скончался. Смерть примаса, измученного болезнями и тяготами непростого пастырского служения, ни для кого не была неожиданностью. Из позднейших писем Теобальда отчетливо видно его желание сделать своим преемником архидиакона, опытного царедворца, королевского канцлера Фому Бекета (LJS-II, р. 250). Крупному государственному деятелю и ближайшему сподвижнику Генриха II, пользовавшемуся безграничным доверием и поддержкой монарха, предстояло возглавить английскую церковь. О намерении примаса знали многие (прежде всего члены его курии, а также некоторые епископы), но лишь единицам были открыты истинные мотивы Теобальда. Всех удивляла твёрдость примаса в выборе кандидатуры Бекета: несмотря на то что Фома для большинства клириков олицетворял верного соратника короля, готового пойти ради исполнения монаршей воли на любые жертвы,

именно его архиепископ считал единственным, кто достоин занять кафедру и встать во главе всей английской церкви.

Не только престарелый архипастырь, но и сам король сделал ставку на Фому. Генрих II предполагал, что его истовый слуга объединит сразу две потестарные функции, став тем самым живым символом слияния в одном человеке светской и священнической властей. Совмещение обязанностей канцлера (*servus regni*) и архиепископа Кентерберийского (*servus Dei*) позволило бы Бекету выступить, по замыслу Генриха II, в качестве могущественного союзника короля в осуществлении дальнейших масштабных преобразований в стране, а также в деле развития *ecclesia Anglorum* в русле начатой им политики централизации. И если Плантагенет видел в Бекете того, кто приложит все силы к осуществлению определённого светской властью комплекса мер в области церковно-государственных отношений, то Теобальд, наоборот, полагал, что Фома сумеет дать отпор притязаниям монарха и тем самым встать на защиту интересов *ecclesia Anglorum*.

С конца 50-х годов XII в. и вплоть до смерти архиепископа в английской церкви шла ожесточённая борьба различных группировок, выдвигавших своих кандидатов на пост примаса и стремившихся за счёт ослабления одних клириков усилить положение других. Возможно, Иоанн Солсберийский, вынужденный покинуть родину после переговоров с Адрианом IV, попал в опалу не только из-за недовольства короля, но и в результате наветов влиятельных служителей церкви (например, епископа Арнульфа из Лизье), видевших в нём слишком весомую фигуру, способную в любой момент изменить расстановку политических сил внутри *ecclesia Anglorum* (LJS-I, p. 48). Об этих и некоторых других «особых» причинах отстранения Иоанна, несомненно, отлично знали как Теобальд, так и его ближайшие соратники. Примас по-прежнему доверял Солсберийцу, считая его верным поборником интересов церкви, и наверняка посвящал схоласта в собственные планы. Сам факт, что архиепископ включил Иоанна, наряду с Уолтером, епископом Рочестерским, канцлером Филиппом и Ральфом из Лизье, в число своих душеприказчиков (LJS-II, p. 245–248), говорит о многом: это не только честь, оказанная опальному клирику, но и прежде всего проявление высочайшего доверия. В этой связи не приходится сомневаться в осведомлённости Иоанна Солсберийского: схоласт, зная о желании Теобальда передать английскую церковь Фоме Бекету, сыграл заметную роль в утверждении недавнего канцлера в новом статусе примаса *ecclesia Anglorum*.

Иоанна и Фому связывали годы общения и профессионального взаимодействия, впоследствии переросших в дружбу. Их объединяло очень многое: занятия во французских школах, знание права, философии и богословия, любовь к классической литературе, твердость и решительность, с которой они отстаивали собственную точку зрения, принципиальность, вызывавшая негодование оппонентов, общий для учёных людей того времени особый «язык культуры». Как и Иоанн, Бекет был не только членом курии архиепископа Теобальда (с 1142 г.), но и ближайшим советником примаса, сопровождавшим его во многих деловых поездках: так, он входил в число знатоков канонического права, присутствовавших на соборе в Реймсе (1148 г.). Наконец, этих двух выдающихся англичан выделяло среди современников и во многом объединяло между собой искусство ведения политических переговоров. Фома Бекет прослыл опытным дипломатом,

сумевшим в 1152 г. получить папский запрет на коронацию сына Стефана I Блуаского и тем самым предотвратить очередную волну гражданской войны между сторонниками и противниками Матильды. Примечательно, что задолго до того, как Фома стал архиепископом, в 1159 г. Иоанн посвятил ему – канцлеру английского королевства (“*Ad Thomam cancellarium...*”) – сразу два фундаментальных трактата: общественно-политический и этический «Поликратик...» и философский «Металогик».

И вот в конце 50-х годов XII в. Теобальду вновь понадобился дипломатический талант Иоанна: примас полагал, что лишь Солсбериец, поддерживавший дружественные отношения с Фомой и, несмотря на опалу, по-прежнему пользовавшийся большим авторитетом среди клириков (особенно в Риме), выступит в роли посредника между ним, королём и понтификом. С точки зрения Теобальда, Фома Бекет был идеальным кандидатом на пост архиепископа, не принадлежавшим ни к одной из группировок, обладавшим сильным и деятельным нравом, твёрдостью, с помощью которой только и можно было преодолеть всё возрастающее разобщение среди иерархов. Английская церковь нуждалась не только в твёрдой руке Фомы, но также в его уме политика и опытного администратора. Кажется, это отлично понимал и Иоанн, разделявший убеждения Теобальда и сразу включившийся в кампанию по приведению Бекета к власти. Именно Солсбериец известил Фому о предстоящем избрании архиепископом, а в июле 1162 г. в числе других пяти делегатов отправился к папе римскому Александру III в Монпелье, чтобы, приняв из рук понтифика паллиум², передать его новому предстоятелю английской церкви [4, р. 104].

Став примасом, Бекет первым делом решил канонизировать в мае 1163 г. на соборе в Туре своего великого предшественника Ансельма Кентерберийского и с этой целью заказал Иоанну Солсбериюскому написание жития благочестивого подвижника. Вполне очевидно, что решение Фомы, только вступившего на путь пастырского служения и уже столкнувшегося с частью оппозиционно настроенного духовенства, имело не только религиозную, но и политическую подоплёку. Прежде всего стоит обратить внимание на то, что в подготовленном Иоанном тексте, отчасти воспроизводящем повествование Эадмера, много внимания уделяется описанию твёрдости Ансельма Кентерберийского, столкнувшегося с притязаниями на свободы церкви со стороны Вильгельма II Рыжего: только его последовательные действия, направленные на сохранение прав и привилегий духовенства, апелляции к римскому папе как высшему арбитру и обращение за помощью к западноевропейским клирикам помогли защитить *ecclesia Anglorum*.

Очевидно, что не только автор «Жития», но и его заказчик Бекет проводили недвусмысленные параллели между «старыми» временами и современностью, между Ансельмом и Фомой, Вильгельмом II и Генрихом II. Можно вполне обоснованно утверждать: “*Vita sancti Anselmi*” представляет собой своего рода «декларацию намерений» нового архиепископа, желавшего ни в чём не уступать светской власти и готового до конца отстаивать интересы церкви. Именно в таком ключе Иоанну следовало изобразить жизненный путь Ансельма Кентерберийского –

² Паллиум (*pallium*) – фрагмент литургического облачения и одновременно символ священнического достоинства.

верного долга пастыря, мыслителя, борца, и Солсбериец с задачей справился. Его таланты писателя, чувствующего слово, и дипломата, знающего ему цену, пригодились при подготовке “*Vita sancti Anselmi*” и, как следствие, продвижении «декларации намерений» в церковной среде. Хотя Ансельма Кентерберийского причислили к лику святых только в 1494 г. [4, р. 105], Бекет всё же сумел громко заявить о себе как о его продолжателе, и многочисленные противники из числа духовенства и феодальной аристократии после этого были вынуждены считаться с новым примасом.

Позднее латинские агиографы, писавшие о мученической кончине архиепископа Фомы, единодушно отмечали необыкновенные метаморфозы, произошедшие в его характере и поведении. Став примасом, он неожиданно для окружающих (в первую очередь – для короля) переменялся, отказался от прежнего, «свободного», образа жизни придворного и полностью посвятил себя служению Богу. За этим топосом скрываются в действительности реальные черты личности Бекета, в своё время увиденные и оценённые Теобальдом. Престарелый архипастырь разглядел в нём человека, живущего убеждениями, отстаивающего собственные принципы и идеалы, верного им и последовательного во всём. Теобальд понял, что подобно тому, как Бекет исполняет обязанности канцлера – твёрдо и уверенно, он будет так же честно и бескомпромиссно нести бремя пастырского служения. Однако наряду с человеческими качествами архиепископа подкупили деловые достоинства Фомы, который ещё в годы служения в курии примаса проявил недюжинные способности в дипломатическом искусстве, разрешении непростых вопросов канонического права и межгосударственных конфликтов.

В начале 60-х годов XII в. новый архиепископ приступил к осуществлению ряда церковных преобразований, и Иоанн Солсберийский, к тому времени член курии примаса, личный секретарь и один из *eruditi*, продолжил активно участвовать в жизни *ecclesia Anglorum*. Дипломатический талант схоласта вновь нашёл применение в церковных и государственных делах, однако его отношения с королём, когда-то испорченные из-за «подати святому Петру», по-прежнему оставались напряжёнными.

В октябре 1163 г. король созвал Великий совет в Вестминстере, на котором впервые предложил передать дела клириков-преступников в ведение местной власти (см. (SCRT)). Инициатива Генриха II не получила одобрения архиепископа, который, напротив, требовал соблюдения всех закреплённых за церковью прав. Из-за отказа духовенства одобрить представленный проект король в январе 1164 г. вновь поднял вопрос о разделении полномочий между судами королевской и епископской курий. Наступательная политика Генриха II Плантагенета вынуждала примаса пойти на ответные действия, которые не заставили себя долго ждать.

В конце 1163 г. или в начале 1164 г. по заданию Фомы Бекета Иоанн, спешно покинув остров и отправившись во Францию, встретился с графом Филиппом Амьенским и королём Людовиком VII [5, р. 29]. Обладающий налаженными разносторонними деловыми связями и отлично осведомлённый в западноевропейских церковно-политических процессах, Солсбериец стремился, играя на противоречиях английской и континентальной знати, заручиться поддержкой крупнейших феодалов Франции. Было очевидно, что Фома Бекет ищет союзников,

через Иоанна Солсберийского разведывая пути сближения с теми, кто способен оказать ему поддержку как на дипломатическом, так и на военном уровне. Последующие события показали политическую прозорливость примаса, быстро распознавшего в действиях короля предвестие будущих перемен.

Представления монарха о взаимоотношениях светской и церковной властей (и прежде всего о круге полномочий судебного и административного характера *ecclesia Anglorum*) нашли отражение в составленных по повелению Генриха II «Кларендонских постановлений» (см. (VPM), [6]). Данный документ должен был закрепить права, свободы и привилегии, дарованные церкви Генрихом I, и разрешить ряд противоречий, сложившихся в политической жизни Англии ко второй половине XII в. Однако на деле идея короля состояла не столько в желании урегулировать существующие конфликты, сколько в приобретении средств влияния на духовенство и, следовательно, определения внутренней и внешней политики английской церкви.

Деятельность церковных судов ставилась под полный контроль светской власти, которая, в свою очередь, получила право рассматривать дела клириков, совершивших в том числе и уголовные преступления, и посылать своих представителей в епархиальные суды для соблюдения законности проведения разбирательства (VPM, p. 19). Помимо ограничения полномочий церковных судов Генрих II положил конец существовавшей в то время относительной свободе передвижения и назначения на должности духовных лиц. Так, например, в ст. 4 всем архиепископам, епископам и прочим клирикам, имеющим бенефиций (*personis regni*) и желающим выехать за пределы государства, предписывалось получить соответствующее разрешение у короля (VPM, p. 19). Более того, Генрих II отчётливо дал понять, что всякое действие, совершаемое иерархами церкви и не согласованное с ним, будет расцениваться как преступление, поскольку любой клирик, находящийся за границей и не имеющий на то никакого права, может своими действиями навредить «королю или всему королевству» (VPM, p. 19).

В новом законе юридически закреплялся особый статус государя как высшего арбитра в делах церкви (VPM, p. 20). Если раньше при возникновении спора епископы обращались к архиепископу Кентерберийскому, а тот, в свою очередь, при необходимости – к папе римскому, то теперь духовенству предписывалось апеллировать исключительно к королю. Данной статьёй (8) Генрих II фактически изолировал английскую церковь от какого-либо вмешательства римской курии. Однако на этом он не остановился. В очередном разделе (11) «Кларендонских постановлений» указывалось, что клирики, имеющие пожалования от короля, наряду со светскими феодалами являются его вассалами (VPM, p. 21–22). Государь получил право назначать любого удобного ему клирика на церковную должность, минуя при этом решение правящего архиерея. В свою очередь, клирик обязывался совершить оммаж и принести королю вассальную клятву верности (VPM, p. 22). Более того, согласно ст. 7 «Кларендонских постановлений» Генрих II мог даже запретить священникам отлучать провинившихся от церкви.

Разработанный в королевской курии закон, отражавший политические амбиции английского государя и его ближайших соратников, *de jure* и *de facto* поставил духовенство в зависимое положение от центральной власти, ограничив его свободу как во внутренней жизни, так и в контактах с внешним миром –

Святым Престолом. Неслучайно архиепископ Кентерберийский отверг большинство положений, предложенных (или, правильнее сказать, навязанных) Генрихом II. Фома демонстративно, в знак несогласия с осуществляемой политикой, протестуя против «Кларендонских постановлений», апеллировал к папе римскому, нарушая тем самым 8 статью нового закона. Примечательно, что твёрдая позиция, занятая Бекетом по вопросу о притязаниях короны на права и юрисдикцию церкви, вызвала недовольство со стороны некоторых оппозиционно настроенных иерархов, открыто поддерживавших Генриха II. Так, в письме, датированном мартом 1165 г., епископ Арнульф из Лизье убеждал Фому проявить лояльность по отношению к инициативам короля, ведь поведение примаса многими из среды духовенства и феодальной знати расценивалось как удар по личному авторитету Генриха II и его власти (LAL, p. 69–78).

Папа Александр III хоть и признал некоторые статьи «Кларендонских постановлений» (2, 6, 11, 13, 14, 16) [7, p. 202; 8, p. 46], но всё же осудил оставшиеся, ссылаясь на их противоречие нормам канонического права, и таким образом встал на сторону архиепископа. Данное обстоятельство, несомненно, укрепило позицию архиепископа. Не меньшим утешением для него была поддержка со стороны крупных феодалов Франции, к которым в своё время Иоанн Солсберийский приезжал для переговоров. Бекет, который, невзирая на предупреждения союзников, проявлял в отношении к королю независимость и стойкость, своим несогласием до крайности обострил ситуацию, сложившуюся в Англии к этому времени.

Уязвлённый своеобразием архиепископа, Генрих II в октябре 1164 г. инициировал созыв собора в Нортгемптоне, на котором рассматривалось дело о прежних (ещё в период несения обязанностей канцлера) финансовых хищениях Фомы. В ответ на обвинения Бекет заявил, что он, как лицо духовное, находится в сфере действия не светского, а церковного суда и не может нести ответственность перед королевской властью. Резкое ухудшение политического климата, широкая кампания по дискредитации архиепископа и постоянные угрозы физической расправы, исходящие из уст наиболее рьяных последователей жёсткой линии государственного регулирования церковных свобод, побудили примаса бежать на континент.

Как и Фома Бекет, Иоанн пребывал в вынужденной эмиграции во Франции вплоть до 1170 г. На несколько лет его пристанищем стала обитель св. Ремигия в Реймсе, которую с 1162 г. возглавлял давний друг схоласта Пётр из Целлы. В тишине и уединении, окружённый вниманием и заботой братии, Иоанн взялся за написание «Церковной истории». По просьбе Петра он изложил события церковной и политической жизни Западной Европы со времени Реймского собора 1148 г. и вплоть до 1152 г. По сути, это сочинение, составленное между 1164 г. и весной 1166 г., является продолжением «Хроники» (“Chronicon”) Сигиберта из Жамблу и несёт на себе печать экклесиологических размышлений Иоанна, вызванных острым противостоянием Фомы и Генриха II.

В конце апреля – начале мая 1166 г. состоялась личная встреча Иоанна и Генриха II: схоласт надеялся разрешить конфликт, однако его миссия не принесла никакого видимого результата. Даже посредничество папы римского Александра III не помогло урегулировать отношения между опальным архиепископом и королём [5, p. 31]. В итоге и Генрих II, и Бекет остались при своём

мнении, а долгожданная развязка наступила только спустя четыре года, в 1170 г. Находясь в изгнании, Иоанн по-прежнему продолжал играть ведущую роль в процессе выхода английского государства из сложившегося политического тупика: в феврале 1170 г. в Понтуазе он, в очередной раз проявив свои дипломатические таланты, сумел привести стороны к кратковременному компромиссу [5, р. 34–35]. Генриха II вынуждали пойти на уступки: снять все обвинения с Бекета, вернуть конфискованные земли и прекратить всякие преследования его единомышленников. Казалось, ещё была надежда, не усугубляя противоречия, найти общий язык.

Однако событие, произошедшее в июне 1170 г., побудило примаса перейти к активным действиям. В нарушение канонического права и под давлением государя архиепископ Йоркский согласился провести обряд коронации принца Генриха. Фома Бекет апеллировал к папе, который не только поддержал его, но и фактически вынудил Генриха II пойти на примирение. Угроза наложения интердикта возымела действие, и 22 июля 1170 г. состоялась встреча недавних противников. Впрочем, примас вновь занял жёсткую позицию, требуя от властей не только наказания вероломных иерархов (втайне от него сговорившихся с королём), но и публичного признания собственной неправоты в отношении введения «Кларендонских постановлений». Лишь усилиями ряда дипломатов, а также при посредничестве папы римского Александра III и Иоанна Солсберийского удалось и в этот раз избежать ухудшения политической обстановки и убедить обе стороны в необходимости нахождения компромисса. Под давлением западноевропейских церковных и государственных деятелей Генрих II согласился принять в своём королевстве Фому Бекета уже не как преступника, а как пастыря и главу церкви.

22 июля 1170 г. архиепископ торжественно возвратился в Англию. Всеобщему ликованию не было предела. В Фоме Бекете видели человека, вставшего на защиту церкви и сумевшего в нелёгкой борьбе с королём одержать победу. Примас действительно не собирался поступаться собственными принципами, проявляя завидную стойкость в отношениях с королём. Впрочем, в отдельных случаях, когда обстоятельства побуждали вести себя выдержанно, ему явно не хватало дипломатического такта. Так, сразу после установления мира Бекет в декабре 1170 г. отлучил от церкви иерархов, запятнавших себя участием в незаконной коронации. Поступок архиепископа вызвал бурю негодования со стороны Генриха II и его приближённых, усмотревших в нём очередное проявление «гордого нрава» архиепископа. Демонстрация силы и авторитета, а равно и всё возрастающая популярность Бекета подтолкнули противников примаса к активным действиям: 20 декабря 1170 г. архиепископ был жестоко убит, став, как писали многие современники, пастырем, положившим жизнь за свою церковь (LJS-II, р. 725–737).

Известие о гибели Фомы Бекета потрясло всех, но особенно тех, кто на протяжении многих лет находился подле него, разделяя все тяготы и лишения жизни в эмиграции. Иоанн Солсберийский – друг (*amicus*), сподвижник (*collaborator*) и советник (*conciliator*) покойного – приложил значительные усилия для причисления Бекета к лику святых. Торжественная канонизация состоялась 21 февраля 1173 г. Иоанну принадлежит честь составления первого «Жития» архиепископа Кентерберийского (“*Vita sancti Thomae*”), лёгшего в основу всей последующей

агиографической традиции и ставшего своеобразным религиозно-политическим заветом всем клирикам.

После гибели Фомы Бекета в Англии произошли заметные перемены, непосредственно затронувшие Солсберийца. Схоласт по-прежнему оставался в гуще событий, а его административные и дипломатические навыки были полезны власти. Тем не менее из-за потери заступника и друга, а также активной деятельности по его прославлению Иоанн нажил множество влиятельных врагов и поэтому постоянно оказывался под огнём критики. В 1173 г. его назначили казначеем Экзетера, а спустя три года, в августе 1176 г., по предложению французского короля Людовика VII и Гильома Белые Руки [9] посвятили в епископы Шартрские [10, p. 107; 4, p. 122].

Вполне вероятно, что печальный исход противостояния Генриха II и Фомы Бекета убедил Иоанна в необходимости вновь покинуть страну. В Англии ему не суждено было мирно жить и работать. Близкое знакомство с французским королём и римским папой, а также большой авторитет, которым пользовался схоласт в их глазах, предопределили его дальнейшую судьбу.

В последние годы жизни Иоанн уже в качестве епископа Шартрского присутствовал на важнейших церковных и политических мероприятиях конца XII в. В сентябре 1177 г. в Иври он участвовал в переговорах Генриха II и Людовика VII по поводу начала очередного крестового похода, а в 1179 г. был делегатом Третьего Вселенского Латеранского Собора [11; 4, p. 124; 5, p. 38]. Как известно, этот собор явился вершиной деятельности Александра III по упрочению папской власти в Западной Европе. М. Балдуин справедливо указал на то, что созывом данного высокого международного собрания понтифик подтвердил своё право верховного законотворчества [12, с. 179]. Иоанн, отстаивавший интересы *ecclesia Anglorum* и Святого Престола, мог без опаски высказывать собственные взгляды, поскольку был епископом Шартра, в то время как английское духовенство, присягнувшее Генриху II, «покаялось никоим образом не действовать против безопасности королевства» [12, с. 179].

Summary

A.K. Gladkov. Diplomatic Missions of John of Salisbury and the Crisis in the English Church (1162–1170).

The article is dedicated to the diplomatic activity of a prominent medieval thinker and writer, John of Salisbury (1115/1120–1180), during the conflict between Thomas Becket, Archbishop of Canterbury, and Henry II Plantagenet. It is shown that John of Salisbury was a key figure in solving the confrontation between the church and the king.

Keywords: English Church, John of Salisbury, Henry II Plantagenet, Thomas Becket, Constitutions of Clarendon.

Источники

LJS-I – The Letters of John of Salisbury / Ed. by W.J. Millor, S.J. and H.E. Bytler. – London, 1955. – V. I: The Early Letters (1153–1163). – 296 p.

LJS-II – The Letters of John of Salisbury / Ed. by W.J. Millor, C.N.L. Brooke. – Oxford, 1979. – V. II: The Later Letters (1163–1180). – 950 p.

SCRT – Summa Cause Inter Regem et Thomam // Materials for the History of Thomas Becket, Archbishop of Canterbury / Ed. by J.C. Robertson, J.B. Sheppard. – London: Longman & Co., 1879. – V. IV. – P. 201–205.

VPM – Vita et Passio, et Miracula S. Thomae Cantuariensis Archiepiscopi, Auctore Willilmo, Monacho Cantuariensi // Materials for the History of Thomas Becket, Archbishop of Canterbury / Ed. by J.C. Robertson, J.B. Sheppard. – London: Longman & Co., 1875. – V. I. – P. 18–33.

LAL – The Letters of Arnulf of Lisieux / Ed. by F. Barlow. – London, 1939. – 236 p.

Литература

1. *Гладков А.К.* «Интеллектуальная география» средневековой Франции: парижские школы XII в. глазами современников // Долгое Средневековье: Сб. / Отв. ред. А.К. Гладков, П.Ю. Уваров. – М.: Кучково поле, 2011. – С. 325–334, 521–530.
2. *Saltman A.* Theobald, Archbishop of Canterbury. – N. Y.: Greenwood press, 1969. – 594 p.
3. *Гладков А.К.* «Итальянская одиссея» Иоанна Солсберийского // Многоликость целого. Из истории цивилизаций Старого и Нового Света: Сб. ст. – М.: Ун-т Дм. Пожарского, 2011. – С. 494–507.
4. *Webb C.* John of Salisbury. – London: Methuen & Co. Ltd., 1932. – 186 p.
5. *Nederman C.J.* John of Salisbury. – Tempe: Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies, 2005. – 100 p.
6. *Knowles M.D., Duggan A.J., Brooke C.N.L.* Henry II's Supplement to the Constitutions of Clarendon // English Hist. Rev. – 1972. – V. 87, No 345. – P. 757–771.
7. *Brooke Z.N.* The English Church and the Papacy: From the Conquest to the Reign of John. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003. – 260 p.
8. *Duggan A.* Thomas Becket. – London; N. Y.: Arnold; Oxford Univ. Press, 2004. – 330 p.
9. *Williams J.R.* William of the White Hands and Men of Letters // Anniversary Essays in Medieval History by Students of C.H. Haskins. – N. Y., 1967. – P. 365–387.
10. *Smalley B.* The Becket Conflict and the Schools. A Study of Intellectuals in Politics. – Oxford: B. Blackwell, 1973. – 257 p.
11. *Laarhoven J. van.* Non iam decreta, sed Evangelium! Jean de Salisbury au Latran III // Dalla Chiesa antica alla Chiesa moderna. – Rome, 1987. – P. 107–119.
12. *Балдуин М.* Александр III и двенадцатый век. – СПб.: Евразия, 2003. – 224 с.

Поступила в редакцию
25.12.12

Гладков Александр Константинович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Россия.
E-mail: gladkov2010@yandex.ru